

История "НОРД-ОСТА"

До 23 октября 2002 года это было название первого российского мюзикла. «Патриотического», как с восторгом писали о нем в прессе. «Норд-Ост» был поставлен по мотивам известного романа Вениамина Каверина «Два капитана».

Однако «Норд-Ост» — это и вполне конкретные географические координаты России, ведущей войну с международным терроризмом. На три дня боевые действия переместились почти в самый центр российской столицы.

Случись в самом центре Москвы «второй Будённовск», и история страны покатила бы по другим рельсам. Да не было бы и самой России!

Террористы выступали слепым оружием в руках организаторов государственного переворота, призванного свалить Путина и осуществить Перестройку № 2. Все компоненты, включая широко разрекламированный «Всемирный конгресс чеченцев» в Копенгагене, были подготовлены.

На пути переворота встал спецназ.

Второй акт

Начало второго акта мюзикла. Большая часть зрителей находится в зале. Кто-то задержался в буфете. За кулисами — актеры, работники сцены. До захвата остается не более двух минут. Степуют «летчики». Затем к ним спускается главный герой, которого в этот роковой вечер играл Андрей Богданов. По ходу они обмениваются шутивными репликами.

Перед тем, как появиться «Чкалову», на сцену из зала запрыгнул человек в камуфляже, в маске до плеч, черных шнурованных ботинках и с автоматом Калашникова. Он дал очередь в потолок и стал сгонять «летчиков» в зал.

Одновременно с главарем появились и другие террористы. Они пробежали вдоль стен и по проходам, заблокировали двери, а потом стали хозяйничать в партере и на бельэтаже. Кричали истошно, с надрывом: «Руки за голову! Это захват!» Орали, стреляли в воздух.

Как только налетчики взяли под контроль зрительный зал, они стали обыскивать сцену, все закоулки в здании. Из-за кулис тычками выгнали актера, игравшего роль Валерия Чкалова. Потом пришел черед оркестрантов. Под дулами автоматов их вывели из оркестровой ямы и рассадили в партере.

Людей боевики разделили по половому признаку: мужчин поместили справа, женщин слева: «Садись сюда, билетов не надо, здесь места хорошие — бесплатно садись...» Периодически палили в воздух. Кричали «Аллах акбар!», требовали документы и снова стреляли из автоматов. Говорили, кстати, на хорошем русском. Это отмечают все бывшие заложники.

Несмотря на хорошую осведомленность, террористы все-таки не знали досконально всего здания, поэтому многие актеры и технические работники, закрывшиеся в гримерках, спустились из окон по костюмам.

Кадушная Елена, 16 лет
ИЛЛЮСТРАЦИЯ к очерку Анны По
"НОРД-ОСТ ГЛАЗАМИ ЗАЛОЖНИКОВ"
преп. Трушников Е.Н.
ОШИ г.Одинцово

Первая кровь
Первая Кровь пролилась в
ночь с 24 октября.
Тогда террористы
хладнокровно
расстреляли москвичку
Ольгу Романову,
уроженку Дубровки,
которая смогла пройти в
здание. Примерно в тот
же период от рук
боевиков погиб и один
отставной офицер,
также пытавшийся
призвать к совести этих
отморозков.

该图由 围棋 上传至铁血网(tiexue.net) 版权归原创者所有

Первые часы в зрительном зале стоял жуткий скрип скотча...

Бомбы уложили вдоль стен на расстоянии пяти метров друг от друга, а в центре зала и на балконе разместили металлические баллоны. Внутри каждого — 152-мм артиллерийский осколочно-фугасный снаряд. Внутренняя полость между снарядом и стенкой баллона была заполнена поражающими элементами.

То, как расположились женщины-террористки, не было случайностью: в шахматном порядке у противоположных стен. Они закрывали зал по секторам в 30 градусов. Начинка пояса «шахида» — два килограмма пластичного взрывчатого вещества (plastic explosives) и еще килограмм все тех же **металлических шариков.**

Террористы подробно снимали себя на фоне заложников. Готовили видеотчет для своих хозяев. Значит, рассчитывали на благополучный исход всей этой «диверсионной операции». Так, во всяком случае, их настраивали, к этому готовили. Вооружение — на высшем уровне. Автоматы АК с откидными прикладами. Ножи иностранного производства. У всех фонарики. Пистолеты. Качественная обувь. На каждом — персонально сшитый и «обжитой» костюм. Исключительный набор амуниции, все подогнано «от» и «до». К исходу первого дня бараевцы под дулами автоматов собрали детей. Тех, кто помладше, отводили в одну сторону, тех, кто постарше — отправляли на место. Решено было избавиться от обременительной обузы. Только холодный расчет, никакого гуманизма!

Очевидцы описывают происходящее: детей вывели перед первыми рядами, выстроили. Многие рыдали. Малыши боятся уходить, матери отрывают их от себя. Жуткая сцена. В духе советских фильмов про войну, где фашисты угоняют людей на работу в Германию.

Отпустили только тех, кому до тринадцати лет. Все остальные остались в зале. И детская артистическая труппа — она сидела на балконе, — тоже осталась внутри здания.

Как уже отмечалось, главную опасность представляли женщины-смертницы. Они разместились по периметру зала, с поясами «шахидов» на талии. В руках — провода и кнопки от бомб. На каждой пояс с двумя килограммами «пластида».

В середине зала, в партере, установили автомобильный баллон с взрывчаткой, рядом с ним постоянно дежурила смертница. Такая же картина на балконе. Запланированные взрывы должны были идти навстречу друг другу, уничтожая все живое. Для этого был придуман центральный пульт управления. Им не успели воспользоваться

Переговоры

Захваченный ДК был окружен силами спецназа и МВД почти сразу же после захвата. Начались тяжелые переговоры с террористами. Главарь, Мовсар Бараев, требовал встречи с властями. К нему ходили уважаемые люди, политики, врачи, но он никого не хотел слушать. Людей отпускал по своему хотению и преподносил это как великое благо: беременные женщины, дети, иностранцы... В то же время Бараев периодически вел переговоры со своими хозяевами, находящимися не только в Чечне, но и за рубежом.

О том, что за московской акцией стоит «Гинеколог» (кличка Шамиля Басаева после захвата больницы в Будённовске), стало известно на второй день трагедии. Сам Бараев признался в интервью НТВ: «Приказ отправиться в Москву и захватить заложников я получил от амира маджлисуля шуры Шамиля Басаева».

Бараев: «Мы торговаться не будем. Если выполнят наши требования, мы готовы пойти на контакт. В противном случае, мы нажмем на кнопки, взорвем здание. У нас есть пять-шесть снарядов САУ и большое количество пластида Се-4. Сейчас они узнают нам цену. Такого даже Гитлер не устраивал. У нас снаружи много камикадзе, которые готовы работать и ждут звонка, около ста камикадзе...»

Заложники

Людей унижали и морально, и физически. Выстраивали перед оркестровой ямой, в которой террористы оборудовали из стульев и инструментов «общественный туалет» открытого типа. Специальной бумаги не было, использовали обрывки газет, кусочки материи. Нелюди наблюдали, кто и как справляет естественные надобности. Тем, кто сидели на бельэтаже, повезло больше, — они ходили в настоящий туалет. Люди теряли сознание от жуткого запаха, разносившегося из «туалета». От мочи в оркестровой яме стали гореть провода. Георгий Васильев, продюсер «Норд-Оста», взял огнетушитель и спустился вниз. А когда вылезал, нечаянно нажал на рычаг — пена попала на лицо одного из террористов.

— Что вы делаете?!

— Я же нечаянно...

Заложникам швыряли конфеты с ликерной начинкой. Спать в неудобных креслах — пытка, к тому же в зале постоянно горел яркий свет. На таком фоне, в таком психическом и физическом состоянии появилось обращение к президенту Путину. Этот текст — не только свидетельство угнетенного состояния духа, в котором пребывали заложники (во всяком случае, непосредственные авторы письма), но документ, обличающий терроризм. Только находясь под дулами автоматов, можно было составить такой текст: «Мы, женщины, мужчины, юноши, девушки и дети, очень просим принять разумное решение и прекратить военные действия в Чечне. Хватит крови. Мы хотим мира, чтобы обратили внимание на проблему Чечни. Кровь будет литься не только здесь, но и в других местах. Наша участь — это прямое доказательство.

Агония.

Последняя ночь перед штурмом. Переговоры то идут, то прекращаются. Бараев нервничает и назначает на утро субботы первый расстрел заложников. Поздно вечером в пятницу обстановка накалилась до предела. В первую ночь они были уверены в себе, — рассказывает бывшая заложница Елена Федотова из Орехово-Зуево. — Это чувствовалось. Они нисколько не сомневались, что их план удастся. То и дело заявляли: либо умрем, либо победим. Но были уверены именно в победе. И все время переговаривались по сотовым телефонам. К ним и зарядные устройства имелись. Говорили, что давно готовились к захвату. Собирались свою акцию приурочить ко дню рождения Путина. Но малость, мол, подзадержались. Потом стали нервничать. И чем дальше, тем больше. Не получалось так, как они хотели. Перед штурмом особенно дергались. Бараев стал что-то кричать своим на чеченском. А потом стреляли.

Кризис наступил в 2 часа ночи. У одного из заложников, молодого парня, не выдержали нервы, и он по спинкам кресел побежал к женщине-смертнице, сидевшей на восьмом ряду рядом с основным взрывным устройством. Террористы открыли по нему огонь, но промахнулись. При этом были ранены двое заложников. Мужчина и женщина. В зале началась паника.

— Они же истекают кровью! — закричал доктор Владислав Пономарёв, бросаясь к раненым. Вместе с Олегом Магерламовым они вытащили раненых в проход, перевязали. Террористы сначала запретили спускать раненых в холл, боясь, что медики сбегут. Олег и Владислав вытащили на носилках мужчину, он был без сознания, а женщину на руках нес ее муж.

— Стой! Стреляю! — раздался окрик сверху.

— Это и была та последняя кровь, которая подтолкнула штаб к началу операции по освобождению заложников.

Бросок спецназа

Не секрет, что захват здания разрабатывался Оперативным штабом с первых минут. Такова практика спецслужб всего мира — быть готовыми к любому развитию ситуации. Было понятно, что ультиматум террористов, обещавших начать расстрел заложников в 6 часов утра, не блеф.

На входе встали люди с автоматами. Спецназовцев интересовали в основном подвал, зрительный зал и подсобные помещения на втором и третьем этажах.

Наши сотрудники понимали, что являются смертниками. Если закольцованная система взрывчатки, установленная в зале, сработает, то все просто рухнет, и мы останемся под дымящими руинами. Впрочем, это понимаешь при любой операции. Для этого сотрудников готовят и психологически, и физически. Они осознают, что рискуют жизнью, забывая, что дома ждут жены, дети, родители, — просто выполняют свою задачу.

Власти искали малейший шанс предотвратить взрыв ДК. Выманить террористов не представлялось возможным. Тогда возник вариант с газом, позволявший почти мгновенно вывести из строя смертников. Естественно, что «отключались» и заложники. Но это был единственно возможный выбор, выбор между худшим и наихудшим. Задолго до начала операции бойцам антитеррора удалось по подземным коммуникациям попасть в здание и уже оттуда установить скрытое наблюдение за тем, что происходило в коридоре и зрительном зале. В ночь перед «штурмом» одна из групп проникла на первый этаж здания. Опасаясь снайперов, террористы туда не спускались. Из подсобок были проделаны небольшие отверстия в стенах и перегородках. С их помощью удалось получить доступ к вентиляции, а также установить видеоаппаратуру. вооруженные автоматами мужчины-террористы находятся на сцене и на втором этаже захваченного здания. Зал в основном контролируют женщины-смертницы.

Спецназовцы подошли к отверстиям в стенах, ведущим в вентиляцию. Некоторые из них сняли с плеч рюкзаки и вытащили баллоны, напоминающие те, с которыми плавают аквалангисты. Только меньшие по размерам и пластиковые, а не металлические. Что было дальше, я не знаю. Перед тем, как применить газ, нас, гражданских, выпустили из здания за оцепление.

Команда «Штурм!» Фойе. Со стороны колонн террористы открыли по спецназу огонь. В темноте были видны только вспышки. По ним отработали одиночными выстрелами. Спецназовцы попытались ворваться в помещение, где проходили переговоры, но по ним открыли огонь. Время шло на секунды, и тогда в комнату бросили гранату. В комнате начался пожар. Рывок, никто больше не стреляет. Лежат два трупа, один — в респираторе. Вынесли, осветили лица. Одним из убитых оказался Бараев. Применению спецсредств предшествовала светозвуковая атака. Из гранатомета жажнули по огромному рекламному плакату с надписью «Норд-Ост».

Проникновение в зал было практически одновременным, в том числе на бельэтаж, — там, на двери, террористы заранее установили взрывное устройство. Его аккуратно сняли, вошли в зал. На этом пятачке находились два террориста и одна женщина-смертница. Они видели, что кто-то врывается, но были парализованы. Одиночными выстрелами их уничтожили на месте.

Ни одного лишнего выстрела в зале не прозвучало. Отвечали только на огонь террористов и только в тех людей, которые пытались приводить в действие свои взрывные устройства. Чтобы взорвать себя, им нужно было сделать три движения. Почувствовав действие газа, некоторые смертницы успели сделать только два...

Ну а после самого штурма началась эвакуация людей. Поначалу заложников выносили, не снимая противогазов, потом, когда дышать в них стало слишком трудно, — сняли. Не было времени обращать внимание на тошноту и головокружение. Не было времени объяснять что-то врачам «Скорой помощи». Да и они не очень ждали этих объяснений.

Насколько известно, собственно силовая фаза операции заняла примерно пятнадцать минут. Через сорок минут здание ДК было полностью под контролем спецназа.

120 килограммов взрывчатки, 16 «лимонок» и 89 самодельных ручных гранат бризантного действия, изготовленных из выстрелов к подствольному гранатомету. Часть их них бандиты установили в виде растяжек в наиболее опасных (для них, естественно) местах. Уже в ходе разминирования роботом-сапером одно из таких изделий, оставленное у забаррикадированной двери на чердак, взорвалось. Для поражения живой силы в арсенале банды имелись две противопехотные мины, демонстративно выставленные в первый же час захвата на сцене, и пресловутые «пояса смертников» с поражающими элементами — стальными шариками. Заряды вдоль стен должны были выбить опоры и обрушить потолок на людей.

